

О.Г.Большаков

БУХАРА ВРЕМЕНИ ИБН СИНЫ

Время Ибн Сины замыкает собой два века стремительного вала науки на Ближнем и Среднем Востоке, которые А.Мец соблазнился назвать "Ренессансом ислама". В самом деле, трудно удержаться от громких эпитетов, говоря об эпохе, когда в Средней Азии одновременно жили два таких титана, как Ибн Сина и ал-Бируни, но при этом следует учитывать, что именно в это время начинается перелом в интеллектуальной жизни общества, начало ее упадка, из-за которого в течение нескольких последующих веков здесь не появилось ни одного значительного ученого.

Упадок естественных и точных наук после XI в. характерен для всего мусульманского Востока, и его объясняют усилением религиозной идеологии, враждебной точным наукам; однако сами причины ее усиления требуют глубокого анализа. Для этого необходимо учесть сложный комплекс социальных, экономических и идеологических проблем. Отсутствие единой обязательной позиции, определявшейся в христианстве постановлениями соборов и папских посланиями, допускало в мусульманском мире значительное разнообразие точек зрения, выраженное порой в таких нюансах, которые мы часто не в состоянии адекватно воспринять и оценить. Резкие оценки и обвинения в неверии, встречающиеся в средневековой религиозно-философской полемике, не всегда можно принимать за господствующее мнение. Словом, для понимания того, как формировались научные убеждения и интересы ученого той эпохи, нам не достает всестороннего знания характера ее духовной жизни.

Даже в случае с Ибн Синой, располагая редчайшим документом - записью его рассказа о первой половине жизни, сделанной его верным учеником ал-Джузджанки,² мы остаемся в неведении, что случайно и что закономерно в его научной биографии, какие именно научные свершения воспринимались им и его современниками как открытия.

Во многих исследованиях жизни Ибн Сины подчеркиваются его атеизм и враждебное отношение к нему мусульманских ревнителей веры. Но был ли Ибн Сина подлинным атеистом, или только казался таким наиболее рьяным поборникам благочестия? Ответить на это можно только зная систему представлений значительной части мусульманских ученых, ибо резкие обвинения и преследования были

удалом не столько атеистов, сколько инаковерующих. Что же касается Ибн Сины, то даже крупнейший критик его философских взглядов, ал-Газали, не мог упрекнуть его в безверии и лишь осуждал за употребление вина.³

Вопрос о религиозных убеждениях Ибн Сины, как и многие другие неясные вопросы его жизни и творчества, еще ждут обширного исследования, мы же ограничимся в данной статье более скромной задачей: попытаться представить некоторые стороны жизни Бухары в последние 20 лет правления Саманидов, когда Ибн Сина сформировался как личность и ученый.

Как известно, Абдаллах, отец Хусейна Ибн Сины, был малым чиновником, скорее всего по финансовому ведомству, что не позволяло уважением благочестивых мусульман, но давало средства для безбедного существования. Послужив в Бухаре, он получил самостоятельный пост в селении Курмантан, а затем, женившись, переселился в административный центр округа, городок Афшину, где и родился Хусейн.

Афшина относилась к числу бывших диосканических резиденций, которые с возвышением Бухары после арабского завоевания постепенно утрачивали прежнее политическое значение (подобно Вадьяне, Рамитану и Варахше), превращаясь в захолустные административные центры. Наиболее подробные сведения о ней мы находим у Наршахи: "Афшина. Имеет большой шахристан и мощную городскую стену;⁴ ей подчинен округ. Один день в неделю в ней бывает базар. Обработанные земли и пустоши этого селения являются вакфом ищущих знания...⁵". Спустя сорок лет ал-Мукаддаси считал возможным сказать о ней всего несколько слов: "Афшина. В западной части /оазиса/ много газиев,⁶ обширный⁷ округ; чистая"⁷. Мукаддаси считал Афшину городом, но сам Ибн Сина, вспоминая ее, называл "селеньем".

В этих маленьких городках причудливо переплеталась согдийская старина и мусульманская новь. В Афшине стояла мечеть, построенная Кутейбой ибн Муслимом, привлекавшая богомольцев даже из Бухары⁸, а в окрестных городках, (и, быть может, также в Афшине) открыто справляли домусульманские праздники⁹, а кое-где арабский и персидско-таджикский язык еще не вытеснили согдийский¹⁰.

Бухарский оазис занимал своеобразное положение: он был старым оплотом ислама, расположенным казалось бы в самом сердце мусульманской Средней Азии, а в то же время на его границах

шла непрерывная борьба с кочевниками–язычниками. Укрепление государства при Исмаиле Самани, позволившее последнему отказаться от поддержания стены вокруг оазиса и произнести знаменитую фразу "Я – стена Бухары", не означало прекращения этой борьбы. Вокруг Пайкенда по крайней мере до середины X в. в крепостях–рибатах несли караул газии¹¹. Все это поддерживало особую воинственность духа бухарских мусульман.

Около 984 г. семья Ибн Сины переехала в столицу. Поскольку отец, по-видимому, не занимался ремеслом или торговлей, то такой переезд должен означать, что ему удалось получить место в центральном ведомстве. Не исключено и то, что он хотел дать детям лучшее образование, чем его можно было получить в провинциальном городке.

Саманидская столица в ту пору была одним из крупнейших городов Средней Азии и превосходила по величине многие знаменитые города Ближнего Востока, такие как Дамаск, Иерусалим и даже Александрия. Подробные описания Бухары у Наршахи и ал-Истахри позволяют достаточно хорошо представить облик города детских и юношеских лет Ибн Сины¹².

Ядром города был домусульманский шахристан, расположенный на высоком холме, образованном многовековыми наслоениями, пересеченный накрест двумя основными магистральями. Такие перекрестки, называвшиеся Чахарсу (Чорсу) или по-арабски "мурабба'а", обычно были центром торговой жизни города, но в Бухаре основные базары находились на юге и юго-востоке от шахристана. Холм древнего шахристана и сейчас отчетливо заметен, особенно его западный склон обращенный к Арку, а на перекрестке в XVI в. был построен купол Таки Заргаран.

Торговая аристократия, меняли, торговцы пряностями и тканями располагались на юг от шахристана, между сохранившейся до наших дней мечетью Магаки Аттари и куполом Таки Саррафан ("купол менял"). Далее на северо-восток шли обувные, зеленные и другие менее значительные торговые ряды¹³.

Другим оживленным местом Бухары был район от юго-западного угла шахристана до Регистана (сохранившего название до наших дней), где находился дворец Саманидов, присутственные места (диваны), соборная мечеть и государственная ткацкая мастерская (тирās), возможно, что здесь же были и лавки книготорговцев, которых упоминает Ибн Сина¹⁴.

На восток от шахристана, между ним и позднесредневековым кладбищем Нурабад, находился аристократический район Кушки Мутан ("замки магов"), в котором до конца IX в. в замках среди садов жили потомки джиканов, выселившихся из города после прихода арабов и долго сохранявших верность зороастризму. При Саманидах его облюбовала новая знать и гвардейцы–гулямы, платившие огромные деньги за удовольствие и честь жить в этом районе – до 4000 дирхемов за джуфти гов.¹⁵ О прежних обитателях в конце X в. напоминали только названия "Кушки мутаг", "Сикка мутаг" (Улица магов), Ворота улицы магов и Квартал джиканов¹⁶.

Центральную часть города, прилегающую к шахристану, охватывала стена, сооруженная в 849–50 г. Местоположение некоторых из ее 11 ворот обозначено древними кладбищами¹⁷, но сведения письменных источников настолько неясны, что провести с уверенностью ее контур не представляется возможным, а иногда даже высказывается сомнение в ее существовании.¹⁸

При Саманидах Бухара значительно выросла. Новая стена (письменные источники молчат о времени ее строительства), по свидетельству ал-Истахри, охватывала территорию в полфарсаха,¹⁹ что у средневековых авторов при приблизительной оценке размеров городов обычно соответствует не 3, а примерно 2, (а то и меньше) км. Действительно, от западной границы города, проходившей вплоть до XVI в. по линии проспекта Киббон, образовавшегося после сноса стены²⁰, до восточной, проходившей восточнее медресе Каллабад²¹, несколько более 2 км. На севере и на юге границы Бухары примерно совпадали со стеной позднесредневекового города.²²

В этих пределах Бухара занимала площадь около 375 га, вмещая примерно 40–50 тыс. жителей.²³ Но это население распределялось очень неравномерно: на периферии было много садов, а в центре, в шахристане, куда не доходили каналы, дома стояли сплошными массивами без всякой зелени и даже без дворов, как в Самарканде того же времени²⁴.

По счастливому для нас совпадению почти в те же годы, когда семья Ибн Сины переселилась в столицу, Бухару посетил замечательный арабский географ ал-Мукаддаси, оставивший красочное ее описание.²⁵

"Нумуджас – столица Бухары.²⁶ Он напоминает Фустат гнилотью и чернотой почвы и обширностью базаров и похож на Дамаск постройками и окрестностями, и теснотой домов и многочисленностью балконов. Он расположен на равнине, каждый день увеличивается, и не видел я в неарабских странах более застроенной и более плотно

населенной медины. У нее семь ворот, обитых железом: ворота Нур, ворота Подкона, ворота Железные, ворота Кухендиза, ворота Бану Са'д, ворота Бану Асад, ворота Медины. А за ней находится кухендиз,²⁷ которым владеют правители, в нем их сокровища и темницы. У него двое ворот: ворота Равнины и ворота Соборной мечети. А соборная мечеть находится в медине, в ней несколько чистых дворов, все эти дворы и все его мечети - великолепны, а все базары - приятны.

А у рабада - 10 ворот /дарб/²⁸: дарб ал-Майдан, дарб Ибрахим, дарб Мардакаман, дарб Калабаз, дарб Наубахар, дарб Самарканд, дарб Багаскун, дарб ар-Рамисанифа, дарб Хадшарун, дарб Гушадж и тянется от них застройка. А внутри их другие 10 дарбов, которые были застроены в древности, названия которых из них различны.

А царский дворец находится на равнине лицом к кухендизу и спиной к кибе.²⁹ И не видел я в странах ислама портала величественнее и внушительнее, чем портал /этого дворца/. И нет в этой стране /иклим/ города более застроенного и более беспокойного для его жителей, чем этот.

Он благословен для того, кто стремится в него, добычливый для того, кто ищет в нем пропитания, добрый к тому, кто живет в нем. В нем кушания приятны и бани опрятны, и улицы широкие, воды пресные, а постройки прелестны. Он - друг в пропитании и средствах существования, в нем много фруктов и ученых собраний. Сообщества их поразительны, а у простого народа есть знание фихха и воспитанность. В нем много подвижников и мало невежд. Он - местопребывание царей ислама и средоточие основательных ученых, обучают там только факихи и комментаторы Корана. Не увидишь в нем сборщика податей и торговых сборов. Они /жители/ наслаждаются справедливостью султана и пользуются безопасностью и благодеяниями.³⁰

Но только дома в нем тесные, пожары часты, он вонючий, обложивший, то жаркий, то холодный; колодцы соленые, каналы порицаемые, отхожие места отвратительные, характер дикий, жилища дорогие, тьма³¹ дунные, педерастия явная. Он - нужник этого края и самый тесный из городов Востока.³² Присезжают в него люди, открыто нарушающие мораль, скверные в общении,³³ не уважающие общину, и появляются там слуги, которые надавают шельм и парчу, нымт из золотых и серебряных сосудов и пренебрегают делами веры³⁴.

Этот облик богатого и грязного, гордого своей славой и неудобного для жизни города Бухара сохранила до начала XI в. Разница, по-видимому, была только в том, что в X в. сюда стекалась большая масса денег, чем при последних бухарских эмирах, так как Саманиды распорядились значительно большей территорией. Эти деньги, превращавшиеся в жалование армии и чиновничества, сулили торговцам и ремесленникам надежные заработки и высокие прибыли и привлекали сюда искателей карьеры.

Многочисленность населения способствовала дифференциации его деятельности, узкой специализации торговли и ремесла. В крупнейших городах, таких как Кабр-Фустат и Багдад, насчитывалось более двухсот различных профессий (включая сюда всякого рода обслуживающую деятельность, вплоть до гадалщиков и толкователей снов). Наиболее массовые ремесла и виды торговли имели свои специализированные базары, по которым иногда назывались кварталы и целые районы города, но, по-видимому, нигде не было жилых кварталов, заселенных представителями одной профессии.

Насколько мы можем судить об облике среднеазиатских городов этого времени по археологическим данным, процесс обособления кварталов, сворачивания их вовнутрь, спиной к улице, еще только начинался. В центре города дома, почти не имевшие дворов, выходили прямо на улицу, но на окраинах с более свободным расселением и более замкнутым образом жизни обособление отдельных групп домов могло начаться раньше, особенно у иноверческого населения. Интенсивность образования самодовлеющих кварталов зависела от степени безопасности в городе: чем беспокойнее была жизнь, тем чаще приходилось прибегать к самообороне, тем быстрее они обособлялись.

Бухара при Саманидах, кажется, не знала острых внутригородских распри. Ал-Мукаддаси, говоря о борьбе территориальных и религиозных группировок горожан во многих городах Хорасана и Средней Азии, обходит Бухару молчанием. Видимо, господство сунитов было настолько подавляющим, что его никто не пытался ослабить.³⁵ Это не значит, конечно, что в Бухаре не было острых социальных конфликтов, они до поры сглаживались привилегированным положением жителей столицы. Слова ал-Мукаддаси, что в Бухаре не увидишь сборщика торговых налогов, вряд ли случайны, за ними скрывается особая политика Саманидов в отношении жителей столицы.

По представлениям мусульманских правоведов, с торговцев-мусульман полагалось брать только закят, благотворительный сбор в пользу нуждающихся, в размере 2,5 %, сбором и расходованием

которого должны вестись не государственные чиновники, а кади или иной представитель общины. В действительности же всегда существовали различные другие сборы, представлявшиеся горожанам несправедливыми и незаконными. Тот же ал-Мукаддаси отмечает, например, очень высокие торговые сборы в Иерусалиме. Саманиды, как видно, обходились без такого обложения и тем обеспечивали себе долгое время благосклонность населения страны.

Бухара, как и другие города мусульманского мира, не имела органов самоуправления. Все стороны жизни города вплоть до организации торговли контролировались и управлялись государственным аппаратом, а благоустройство всецело зависело от благотворительности государя или городских богачей. Так, при ал-Мукаддаси ремонт ирригационных сооружений в Бухаре, разрушенных паводком, взял на себя известный хадисовед Абу-л-Аббас ал-Йаздади.³⁶ Обычно организатором важнейших работ в городе становился кади, который и в других случаях оказывался высшим представителем горожан перед властями. В более позднее время во многих городах Хорасана упоминаются старшины города, райсы, из числа почетных горожан, утверждаемые на этом посту государством, но их функции и пределы власти остаются неясными.

В этих условиях в мусульманских городах была очень велика роль лиц, которых современные социологи называют неформальными лидерами. Основная масса их происходила из среды мусульманских правоведов и богословов.

Называть их "мусульманским духовенством" можно только очень условно, так как большинство мусульманских юристов и богословов сочетало свои занятия религиозными науками с торгово-ремесленной деятельностью, не оставляя особого сословия.³⁷ Истолкование догматов религии и этико-правовых установлений принадлежало не государственным и церковным учреждениям, а неслуживым горожанам, частным лицам, знания которых в области религиозных наук признавались окружающими достаточными для вынесения собственного суждения. Неофициальность их мнений особенно импонировала собратьям по классу. Парадоксальность мусульманского права состояла в том, что государство теоретически не имело законодательной власти и роль неофициальных лиц, частных правоведов-факихов могла быть выше, чем государственных деятелей.³⁸

Все столпы шариата были горожанами, торговцами и ремесленниками, поэтому все этико-правовые сочинения наполнены апологией торгово-ремесленной деятельности как единственного честного способа приобретения средств существования, в противоположность жа-

лованию на государственной службе³⁹. Достижение материального достатка, необходимого для независимости мнения и не омраченных заботами размышлений о религии, возводилось ими в ранг религиозной обязанности. Обычных для феодальной этики проблем соотношения обязанностей вассала и сюзерена для факихов-горожан вообще не существовало. Шариат, с известными оговорками, можно считать идеологией горожан, моральной и организующей силой в их пассивной и активной борьбе против феодальных правителей. А идеалом, за который они боролись, была свобода торговли и ремесленной деятельности в рамках материальных и моральных обязательств, налагаемых шариатом. Все разногласия многочисленных школ и направлений суннизма и шиизма лежали в сфере обрядности, теологии и проблемы наследования духовной власти над общиной, мало затрагивая социально-экономическую сторону правового учения. По-видимому, даже исмаилизм, которому остальные мусульмане (а за ними и некоторые современные историки) приписывали отвержение шариата, не имел в этом отношении существенных отличий.

Влияние мусульманских ученых определялось их органическим родством с теми группами городского населения, из которых они вышли. Завоевать их значило завоевать сердца горожан. Саманиды прекрасно понимали это и оказывали им всяческое внешнее почтение. "К их обычаям относится то, что они не заставляют людей знания⁴⁰ целовать землю. В течение всего месяца рамадана они по вечерам устраивают собрания для диспутов в присутствии султана. Он начинает, задает вопрос, а затем его обсуждают ... У них нет обычая устраивать трапезу простонародью, но когда хотят оказать честь кому-нибудь, то вазир, который управляет делами, сажает его за стол с ними, как это сделали с Абу-л-Аббасом ал-Йаздади.⁴¹ А иногда в важных случаях они беседуют с посланни, как беседовали с шейхом Абу Салихом, когда посылали его к Абу-л-Хасану Главнокомандующему.⁴² Они всегда выбирают самого сведущего в фикхе, какой есть в Бухаре, и самого благочестивого, возвышают его, испрашивают его мнения, удовлетворяют его нужды и ведут дела так, как он скажет, – такого, как шейх, славный именем Мухаммад ибн Фадл⁴³."

Очень часто занятия фикхом становились семейной традицией и возникали настоящие династии. В Бухаре IX-X в. большим авторитетом пользовались три поколения рода Абу Хафса, получившего эпитет Великий. Его сын Мухаммад сыграл важнейшую роль в создании общественного мнения в пользу приглашения Исмаила Самани в Бухару⁴⁴, а его внук упоминается в 30-х годах X в. как важнейший

авторитет в делах правоверия⁴⁵. Некоторые факихи меняли за свою жизнь несколько должностей. Так, Абу Наср Мансур ал-Харби, упоминаемый среди почтеннейших бухарцев своего времени⁴⁶, был сначала кади Ферганы, затем помощником градоначальника (хакима) Нишапура, а после смерти Мухаммада ибн Фадла стал мухтасибом Бухары⁴⁷.

В конце концов такие деятели сливались с бюрократией и переставали быть выразителями мнения среднего слоя горожан, но на смену им из среды горожан поднимались новые знатоки религиозной истины, авторитет которых в глазах горожан не уменьшался из-за отсутствия громких титулов, ибо уважалось знание, с нашей точки зрения, схоластическое и никчемное, но составлявшее важнейшую часть духовного существования людей той эпохи. Поставить передачу религиозных знаний под контроль государства удалось лишь в следующем столетии созданием широкой сети специальных высших школ - медресе.

Отношения между Саманидами и властителями дум горожан, не всегда были идеальными. С одной стороны, государи, оказывая им знаки внимания, считали возможным обходиться без их услуг: например при ал-Мухаддаси в отсутствие проповедника в соборной мечети Бухары хутбу провозглашал начальник полиции. С другой стороны, официально утвержденные лица теряли для горожан прежний авторитет. Это, как известно, сыграло решающую роль в последние дни Саманидов, когда Бухарцы не выжили призывам официальных хатибов помочь династии: "когда простой народ услышал это, то обратился к своим факихам и испросил фетву относительно участия в сражении и те запретили им это"⁴⁸.

Этот текст, впервые исследованный В.Р.Розеном, мы можем теперь понять несколько конкретнее, чем прежде. Сейчас выясняется, что горожане были не просто неорганизованной массой с оружием, а имели особую вооруженную организацию аййаров (или фит-йан), которых прежде считали просто разбойниками и бродягами. Как оказалось, звание аййара считалось почетным и понятие "аййари" (аййарское поведение) было равнозначным рыцарственности⁴⁹. Аййары в Хорасане в XI в. упоминаются довольно часто, а в Саманидское время в Бухаре они названы лишь однажды, в связи с восстанием 930 г., когда их выпустили из тюрьмы. Сейчас в нашем распоряжении появилось еще одно и очень интересное свидетельство официального признания организации аййаров в Бухаре.

В опубликованной 20 лет назад, но еще мало известной у нас

антологии диковинных событий, "Китаб аз-заха'ир" ар-Рашида ибн Зубайра, сохранился полуполюгендарный рассказ о приеме в 327/939 г. в Бухаре Насром II посольства из Китая. Сюжет его таков: Насру поступил донос на какого-то нишапурского безбожника, его привезли в Бухару и поручили внуку Абу Хафса разобраться в его убеждениях; обвиняемому удалось бежать в Китай, стать там вазиром и убедить императора, что мусульманские страны легко завоевать; император направил посольство с провокационным требованием заплатить дань за 27 лет, но Наср устроил послам такой пышный прием и продемонстрировал столько войска, что уstraшенные послы посоветовали императору принять ислам, что он и сделал⁵⁰.

Перед нами, несомненно, сильно романтизированный во славу ислама рассказ о посольстве ко двору Насра II, с которым уехал на Дальний Восток Абу Дулеф; возможно, что в основе рассказа лежит неизвестный отрывок из его записки⁵¹. И.Ю.Крачковский относил это событие предположительно к 331/942 г.,⁵² но теперь его можно точно датировать концом 938-939 г.

Для нас важен лишь один эпизод: встреча посольства горожанами. Для встречи посольства в Кермине был послан отряд добровольцев /ал-мугавви/ во главе с факихом Абу-л-Аббасом Ахмадом ибн Абд ал-Вахидом,⁵⁴ а бухарцам было приказано украсить город. Послы проследовали до Бухары и переночевали в поле, "а когда они проснулись и посмотрели, то увидели, что весь мир колыхается волнами с шумом и гамом, и были вынесены знамена /бунуд/ Бухары, а их в Бухаре 1700 знамен, и вышло с каждым знаменем от 200 до 1000 человек. (Это - только знамен аййаров, не считая значков /алам/ газиев. ... Повезли их /послов - 0.Б./ на конях, а город был уже украшен, разукрасили его от начала до конца шатрами из кусков шелка, покрытыми драгоценными тканями, и вышли женщины и мужчины, чтобы посмотреть на них. Когда они доехали до ворот города /мадина/, то их спешили и повели пешком через весь город /балад/, пока они не дошли таким образом до равнины у Нахр ал-мавали"⁵⁵.

В этом рассказе сквозь фантастический сюжет и гиперболы проглядывают очень достоверные детали первоосновы, которые невозможно было выдумать.⁵⁶ Полагаться на цифры этого сочинения невозможно,⁵⁷ однако сам факт участия отрядов аййаров со своими знаменами в высокотожественной церемонии наряду с гвардией

и газиями не вызывает сомнения. Следовательно, ополчение горожан не было просто вооруженной толпой, а имело организованное ядро.⁵⁸ Можно понять, что отказ бухарцев поддержать Саманидов оказался роковым для династии.

Однако в ту пору, когда семья Ибн Сина переехала в Бухару, еще ничто не предвещало скорой катастрофы. Саманидский двор привлекал к себе искателей карьеры и деятелей литературы и искусства, которые в то время не могли существовать без меценатов. "И была Бухара в правление Саманидов средоточием славы и Ка'бой царства, собранием выдающихся людей эпохи, местом восхождения звезд образованности земли, ярмаркой замечательных ученых"⁵⁹.

Мы хорошо знаем, что саманидская Бухара являлась центром формирования новой литературы на языке перси и, действительно, стала "местом восхождения" нескольких классиков персидско-таджикской литературы, но все это было частным случаем более общего явления — словесность составляла основу придворного образования, с помощью которого можно было добиться жизненного успеха. Религиозные знания подразумевались сами собой, но большинство придворных не шло дальше необходимого минимума: изучения Корана и основ фикха, остальное было делом специалистов. В придворном обиходе требовалось другое: хорошие манеры, умение вести занимательную беседу, составить предельно лаконичное выразительное послание, основанное на игре слов или неожиданном повороте коранической цитаты⁶⁰. Хорошим панегириком и изобретностью канцелярского стиля можно было продвинуться в столице или добиться недурной должности в провинции, вроде начальника почты⁶¹, который получал то же жалование, что и наместник, но имел еще удовольствие присматривать за его благонадежностью.

В соответствии с этим строилась иерархия ценности наук. Все, что обеспечивало успех при дворе и входило в обязательное образование государей и аристократии: грамматика, стилистика, знание поэзии и истории, — ценилось выше, чем практические науки. Даже такой широко образованный человек, как Абу Хайян ат-Таухиди, отдавал им предпочтение перед математикой⁶².

Только отдельные, наиболее широко образованные правители с природным влечением к науке в широком смысле слова выходили за рамки традиционных интересов и пристрастий. Тогда возникали такие грандиозные научные предприятия, как "Дом мудрости" ал-Мамуна в Багдаде и экспедиция по измерению градуса меридиана.

Но Саманиды не отличались особой любовью к этим наукам, хотя и собирали в свою библиотеку разнообразные книги по всем отраслям знания. Поэтому Бухара не привлекала к себе крупных математиков, астрономов или химиков. Если они и появлялись, то предпочитали искать более широкого поприща в других местах. Медицина также рассматривалась как обслуживающее ремесло, недостойное ни аристократа, ни особо благочестивого мусульманина. Показательно, что об одном из ученых саманидского круга, Абу-л-Хасане ал-Ифритки, ас-Са'алиби пишет: "он занимался медициной и астрологией, но занятие, которое давало средства к существованию — его стихотворство"⁶³.

Общественное мнение широких городских слоев также прохладно относилось к математике и естественным наукам, остававшимся в лучшем случае безобидной забавой отдельных чудаков, вроде зеленщика, у которого Ибн Сина учился алгебре⁶⁴.

В исламе не было заложено враждебного отношения к определенным наукам и научным воззрениям, они формировались в соответствии со взглядами людей, разрабатывавших мусульманскую доктрину. А этими людьми, как мы уже говорили, были выходцы из среднего слоя торговцев и ремесленников, которые с активной недоброжелательностью относились ко всему непонятному и ненужному для них. Для них равно неприятным было и то, что они считали излишествами придворных, и необязательные для мусульманина занятия ученых. Естественно, что когда такие люди добивались до высоких постов или под их влияние попадали могущественные государственные деятели, то в их руках оказывались сильные средства воздействия на инакомыслящих. Именно так в мусульманском обществе, первоначально знавшем только запрещение идолопоклонства, постепенно сложилось отрицательное отношение к изображениям живых существ, поскольку для среднего слоя горожан живопись была таким же проявлением осуждаемой роскоши, как шелковая одежда у мужчин и золотая посуда.

Занятия языческими "греческими науками", ненужными для постижения божественных истин, стояли в глазах благочестивцев в одном ряду с такими прегрешениями, как игра в шахматы, пенье и слушанье музыки, ношение шелковой одежды или занятие живописью. Но если они были не в силах запретить могущественным вельможам и их окружению отказаться от таких удовольствий, то создать атмосферу подозрительности и недоброжелательства к ученым, не имевшим обычно высокого положения в обществе, было несложно. И чем далее, тем более одиозными становились такие науки.

Приход Караханидов означал не только превращение Бухары из столицы большого государства в провинциальный центр (что само по себе должно было вызвать отлив части образованных людей, кормившихся при богатом дворе Саманидов), но и торжество ортодоксии. Бухарские факихи недаром отметили в своей фетве относительно войны с Караханидами их "хорошую веру"⁶⁵: тюркские ханы, сильно уступавшие Саманидам по культурному уровню, смотрели на местных богословов и факихов с куда большим почтением, чем прежние правители, допускавшие их до себя, но не подчинявшиеся. В новой ситуации факихи стали полными хозяевами общественного мнения.

В этих условиях занятия в Бухаре философией и логикой, особенно привлекавшими Ибн Сину, без могущественных покровителей становились затруднительными. К тому же у него, по всей видимости, не было состояния, достаточного для экономической независимости, а административная служба "у султана", о которой он сам глухо упоминает⁶⁶, оказалась неудачной⁶⁷. После смерти отца Ибн Сину уже ничто не удерживало в Бухаре. Ему не приходилось долго думать над выбором; искать покровительства у могущественного, но пренебрежительно относившегося к ученым Махмуда Газнави, или ехать к хорезмшаху, у которого собрался кружок талантливых ученых, близких Ибн Сине по взглядам - он выбрал второе.

Так кончился бухарский период жизни Ибн Сины, сформировавший его как мыслителя, и начались годы странствий, годы славы и преследований, взлетов и падений.

¹ Ср. разнообразные истолкования понятия "знание" мусульманскими учеными: Ф.Роузентад. Торжество знания. Концепция знания в средневековом исламе, М., 1978.

² К этой записи восходят обе версии биографии Ибн Сины: см. *Tatimmat al-saybān al-hikma, ta'liq al-imām Ṣaḥīr ad-dīn...* 'Alī al-Bayḥaqī, *Māxūf*, 1351; *Ibn al-Qiftī's Ta'riḥ al-Nuḥasa'*. Auf Grund der Vorarbeiten A.Müller's hrsg. J.Lippert. Leipzig, 1903.

³ На это указывает А.В.Сагадеев, см. его примечание в кн.: Ф.Роузентад. Торжество знания, с.337.

⁴ В тексте *حصار*, что может означать и цитадель, и просто любую крепостную стену. У Наршахи при описании селений оазиса цитадель всегда называется *كندز*, а *حصار*, как несомненно явствует из описания Варданы (там же), - городская стена.

⁵ Та'рих-и Бухārā, тасхйх-и мударрис-и Ридāvī, Тихрān /1318/, 18. Под "исущими знания" (*طالبا علم*) могут подразумеваться не только учащиеся, но и мусульманские ученые, которые всю жизнь "ищут знания".

⁶ Добровольцы, сражающиеся с язычниками.

⁷ *Descriptio imperii moslemici auctore ... al-Mokaddasi*. - *Bibliotheca Geographorum Arabicorum ed. M.J.De Goeje*. III. *Insidii Batavorum*, 1877, с.282.

⁸ Та'рих-и Бухārā, с.18.

⁹ Абурейхан Бируни (973-1048). Избранные произведения. I. Памятники минувших поколений. Пер. М.А.Салье. Ташкент, 1957, с.254-255.

¹⁰ Ал-Мукаддасī, с.335-336.

¹¹ *Al-masalek wal mamālek by Istakḥry re-edited by Muḥ. G.Abd el Aāl el Hīnī*, Cairo, 1961, с.175; Та'рих-и Бухārā, с.22; ср. также: ал-Мукаддаси, с.282.

¹² О.А.Сухарева. К истории городов Бухарского ханства (историко-этнографические очерки). Ташкент, 1958, с.13; А.М.Беленицкий, И.Б.Бентович, О.Г.Большаков. Средневековый город Средней Азии, Л., 1973, с.232-254.

¹³ Любопытно, что не только торговцы пряностями и парфюмерией и менялы, но и торговцы обувью вплоть до начала XX в. продолжали торговать примерно на тех же местах. См. Л.И.Ремпель. Из истории градостроительства на Востоке (Материалы по планировке старой Бухары). - Искусство зодчих Узбекистана. Ташкент, 1962, с.239.

¹⁴ *Ibn Abi Useibia hrsg. von A.Müller. Königsberg*, 1884, с.3; ал-Кифтī, с.415.

¹⁵ Площадь, которую пара быков может обработать за день (0,4-0,5 га) или за сезон (7-12 га). Последняя мера употреблялась в Средней Азии в XIX в. (В.Хинц. Мусульманские меры веса с переводом в метрическую систему. Е.А.Давидович. Материалы по метрологии средневековой Средней Азии, М., 1970, с.122-123), но земля в городе никогда не измерялась такими большими единицами, поэтому здесь речь идет о 0,4-0,5 га.

¹⁶ Название Куи Дехкан сохранилось в вакфной грамоте 1407-

8 г., позволяющей локализовать этот квартал в гузаре Мулло Пайрави (О.А.Сухарева. Квартальная община позднефеодального города Бухары (в связи с историей кварталов). М., 1976, с.295, 300), на территории бывшего шахристана, а не восточнее его. Однако, судя по Наршахи (Тарих-и Бухара, с.68), Куи Муган (Сикка муган), явно находившаяся вне шахристана, не отделялась стеной от Куи дехканан. Возможно, с X до XV в. несколько изменился объем местности Куи дехканан (Куи дехкон).

I7 В.А.Шипкин. Архитектурные памятники Бухары. Ташкент, 1936, с.18-19.

I8 Реконструкция, предложенная автором данной статьи (Средневековый город..., рис.95), вызвала ряд возражений (Е.А.Давидович. Дискуссионные вопросы в кн.: А.М.Беленицкий, И.Б.Бентович, О.Г.Большаков "Средневековый город Средней Азии". - Древность и средневековье Средней Азии, М., 1978), которые автор с благодарностью принимает в той мере, в какой они помогают исправить фактические ошибки и слабые места аргументации, но остается при прежнем мнении о расположении стены южнее канала Шахруд.

I9 Во всех арабских рукописях географий ал-Истахри и Ибн Хаукаля - фарсах, диаметр города в полфарсаха указывается только в персидском переводе (Масалик ва мамалик, та'лиф Абу Исхак Ибрахим Истахри, тарджма-и фарси аз карн-и 5/6 хиджри. Тихран, 1340, с.239), ему приходится отдать предпочтение, потому что Бухара явно никогда не простиралась на 5-6 км и, кроме того, при переписках и переводе слово "половина" скорее пропало бы, чем появилось там, где его не было.

20 О.А.Сухарева. Бухара XIX-XX века (Позднефеодальный город и его население), М., 1966, с.31; О.А.Сухарева. Квартальная община..., с.150.

21 О.А.Сухарева. К истории городов..., с.53-56; Она же. - Квартальная община..., с.296-301.

22 Южные ворота рабада Бухары, Ворота Ибрахима, упоминаемые Кубави (ал-Истахри, с.62), находились около поздних ворот Намазгах (О.А.Сухарева. К истории городов..., с.36), на севере же холм с могилой Абу Хафса всегда был вне города.

23 Ранее указывалась несколько большая площадь (400-450 га), высчитанная по недостаточно точным планам (Средневековый город,

с.247, 265), но это исправление не влияет на прежнюю оценку численности населения, поскольку соответственно уменьшается и площадь мангытской Бухары, по данным которой определялась плотность населения.

24 Г.В.Шипкина. Городской квартал УИ-ХI вв. на северо-западе Афрасиаба. - Афрасиаб, в.П, Ташкент, 1973.

25 Пребывание ал-Мукаддаси в Бухаре приходится на 983-985 гг., так как в 984 г. он проезжал через Серахс (ал-Мукаддаси, с.65).

26 Первоначально Бухарой называлась вся область, затем ее название перешло на столицу ("столица Бухары"), и только после X в. собственное имя города забылось совершенно.

27 Кухендиз - цитадель.

28 Дарб - улица и одновременно ворота на ней.

29 Кибла - направление в сторону Мекки. В Средней Азии мечети ориентированы на запад - юго-запад.

30 Текст, заключенный в звездочки, взят из Стамбульской рукописи.

31 Тим - караван-сарай или здание торговых рядов.

32 Под Востоком разумеется восточная часть мусульманского мира.

33 معاملات, можно также понимать как "торговые сделки".

34 Ал-Мукаддаси, с.280-281.

35 События, связанные с принятием карматства Насром II и его окружением недостаточно ясны, но и тогда резкое изменение религиозно-политической ориентации и последующие репрессии сторонников карматов не сопровождались вооруженной борьбой между различными группами горожан.

36 См. о нем: The Kitāb al-Ansāb of 'Abd al-Karīm ibn Muḥammad al-Samānī reproduced in facsimile... by D.S.Margoliouth. Leiden-London, 1912. (Gibb Memorial Series, XX), с.599a.

37 H.Cohen. The economic background and the secular occupations of muslim jurisprudents and traditionists in the classical period of islam. - Journal of economic and social history of the Orient, v.13, 1970.

- 38 Сказанное относится к периоду до XI в.
- 39 См.: S.D.Gelstein. The rise of the near-eastern bourgeoisie in early Islamic times. - Cahiers d'histoire mondiale, III, 1957, № 3.
- 40 Людями знания (ахл ал-'илм) называли не всех ученых, а только занимавшихся религиозными науками, прежде всего - фикхом.
- 41 Хадисовед, ум. в 409/1018-19 г. (ас-Сам'аний, с.599а)
- 42 Абу-л-Хасан Мухаммад ибн Сямджури, наместник Хорасана, носивший титул Сахб ал-джайш.
- 43 Мукаддаси, с.339; Абу-л-Хасан Мухаммад ибн Фадл ал-Хатиб, в последний период жизни был мухтасибом Бухары (Al-Ansab by al-Imam Abi Saad Abdul Kareem b.Muhammad al-Samani, v.IV. Ed. by Abdur Rahman b.Yahya al-Mu'allami al-Yamani, Hyderabad, 1964, с.115)
- 44 Средневековый город..., с.324-325.
- 45 Аз-захй'ир ва-т-тухаф ли-л-кади ар-Рашид ибн Зубайр... хаккахаку Мухаммад Хумайдаллах, каждама лаху ва реджа'аху Салах ад-дин ал-Мунаджжид, ал-Кувайт, 1959, с.140.
- 46 Мукаддаси, с.339, прим. н.
- 47 Al-Ansab by ... al-Samani, IV, с.115-116.
- 48 The eclipse of the Abbasid Caliphate. Oriental chronicles of the fourth Islamic century. Ed. H.F. Amedroz and D.S. Margoliouth, v.III, London, 1921, с.374.
- 49 Средневековый город..., с.344-346.
- 50 Аз-захй'ир, с.139-151.
- 51 В известных до сих пор отрывках Первой записки Абу Дулефа нет сведений о прибытии посольства в Бухару.
- 52 И.Д.Крачковский. Избранные сочинения, т.IV, М.-Л., 1957, с.186.
- 53 327 г.х. = 31.X.938 - 17.X.939 г.
- 54 В тексте: Абу Ахмад ибн Абд ал-Вахид, с явным пропуском части кунья. Полное имя и сведения об этом деятеле - Al-Imam by al-Imam al-Nafis Abi Nasr Ali b.Hibatullah Ibn Makula (d.1005 A.D./475), v.I, Hyderabad, 1962, с.448, прим.3.
- 55 Аз-Захй'ир, с.145.
- 56 Упоминается неизвестное по другим источникам селение между Кермине и Дабусийей (افرونسى), приводится имя малоизвестного бухарского факха, командовавшего добровольцами, и, наконец, впервые приводится арабское название загородной резиденции Саманидов, Нахр ал-Мавали, известное в персидском варианте Джун Мулиян.
- 57 Сама тема антологии - рассказы о самых богатых добычах, о самых дорогих подарках и наследствах и т.д. - толкала составителя на преувеличения. Поэтому, например, дань в 60000 дирхемов, которую обязались платить жители Мерверруда арабам (ал-Балазурй, с.406), превратилась у него в 60 "тысяч тысяч" (аз-Захй'ир, 246). Точно также 1700 отрядов аййаров даже по 200 человек составили бы гигантскую армию в 340000 человек, превышающую численность взрослого мужского населения всего оазиса. Заманчиво в цифре 1700 видеть число всех аййаров Бухары (примерно 20 % взрослого мужского населения города, если исключить гвардию и придворных).
- 58 Видимо, за аййарами закреплялись отдельные участки обороны городской стены, на что указывают названия "Башня аййаров" в Самарканде XI в. и Бухаре нач. XV в. (Средневековый город..., с.342).
- 59 Йатима ад-дакр фй махасин ахл ал-'аср ли-Абй Мансур ... ас-Са'алибий, Хаккахаку ва фассалаху ва дабатаху ва шарахаху Мухаммад Мухйй ад-дин 'Абд ал-Хамид, дж.4, Миср 1377, с.101.
- 60 Низами Арузи Самарканди. Собрание редкостей или четыре беседы. Пер. с персидского С.И.Баевского и З.Н.Ворожейкиной, М., 1963, с.38-47.
- 61 Йатима, 4, с.134, 154.
- 62 Китаб ал-имта' ва-л-му'анаса, та'лиф Абй Хаййан ат-Таухидй ва хува мадму' мусаммат фй фунун шита ... ал-джуз' ал-аувал, саххахаку ва дабатаху ва шараха гарйбихи Ахмад Амйн ва Ахмад аз-Зин, Байрут-Сайдй, /1953/, с.96-104.
- 63 Йатима, с.157.
- 64 ал-Байханй, с.40.
- 65 The eclipse..., с.374.
- 66 Ибн Абу Усайбийя, с.4; Ибн ал-Кифты, с.345.

67 Вероятнее всего, что он находился на службе у Мунтасира, последнего борца за власть Саманидов; тогда понятно, что после его ухода из Бухары административная карьера Ибн Сины окончилась. Но нельзя также исключить службу у местного караханидского владельца.